

УДК 741.9
ББК 85.153(2)
DOI: 10.51678/2073-316X-2024-1-182-203

Сергей Кузнецов, Евгений Ходаковский

Воронихин. Неизвестные рисунки художника из северных путешествий 1783–1784 годов

Задача публикации — ввести в научный оборот десять рисунков А. Н. Воронихина, относящихся к его путешествиям на север — к водопаду Иматра в Финляндии и к Белому морю с графом П. А. Строгановым и его гувернером в 1783–1784 годах. До настоящего времени эта часть наследия художника, прославленного своими работами в области архитектуры, не была известна в России. Небольшие произведения более двух веков находились во Франции.

Ключевые слова:

Андрей Воронихин, Павел Строганов,
Жильбер Ромм,
Белое море,
путешествие,
акварель.

Составленный достаточно давно в общем виде Г. Г. Гриммом [2] корпус произведений А. Н. Воронихина не пополнялся. Однако с недавних пор наше представление о мастере как выдающемся рисовальщике своего времени было существенным образом скорректировано.

Четыре его акварели из французского частного собрания были опубликованы в 2014 году в «Архиве Ромма» [17]. Пять лет спустя, 27 марта 2019 года, на парижском аукционе *Artcurial* за 3900 евро были проданы и затем оказались в России, в собрании В. П. Лебедева («Русские сезоны»), восемь аналогичных неподписанных его рисунков. Нет сомнения, что они происходят из той же коллекции. Размер рисунков, с незначительными вариациями, составляет 15 × 23 см. Они исполнены на бумаге верже акварелью, тушью и пером. Дата на одном из произведений — «Вид на селение и каменные руины» — была прочитана экспертами аукционного дома как «1787», что не соответствует истине, как мы увидим ниже. Очевидно, что названия условны; они были даны на одном из этапов владения неким коллекционером, который смонтировал их по четыре на двух щитах без заметной логики. Провенанс произведений находившихся во Франции более двух веков нам неизвестен, как и имя последнего владельца, представившего их на аукцион. На обороте каждого щита имеются надписи¹, которые, судя по всему, были сделаны до появления наклеек, несколько расширивших их содержание². Суть этих надписей

1 Пером: *Quatre aquarelles representant / les paysages russes, datant de 1782 à 1786 / par Voronikin (dessinateur du Comte A. de Strogonoff)*. Во втором случае автор назван не рисовальщиком, а живописцем: *Quatre aquarelles representant les paysages russes, / datant de 1782 à 1786 par Voronikin, peintre du Comte de Strogonoff*.

2 *Ces 4 aquarelles faisaient partie de la collection de Gilbert ROMME (1750–1795), Député du Puy de Dôme, Président de la Convention Nationale (Novembre 1794). Il les avait rapportées de Russie en France en 1787. Elles sont peintes d'après nature par Voronikin. Celui-ci était attaché en qualité de peintre an expeditions effectuées par le jeune Comte Paul de Strogonoff, fils du Comte Alexandre de Strogonoff Chambellan de Catherine II. Ces voyages, partie de St. Pétersbourg comprenant les provinces de la mer Baltique, Moscou, les monts Oural, durant les années 1783, 1784, 1785 et l'Ukraine, le Crimée et les rives de la mer Noire, en 1786. Gilbert*

сводится к тому, что первым владельцем рисунков был Жильбер Ромм, французский ученый и гувернер, прославившийся воспитанием графа П. А. Строганова (Попо, как называл его Ромм в своих письмах), а также его троюродного брата Григория и А. Н. Воронихина.

В 1779 году граф А. С. Строганов заключил с Роммом контракт о воспитании сына Павла, родившегося в Париже в 1772 году. Гувернер исповедовал педагогические принципы естественного воспитания и обучения Ж.-Ж. Руссо. В частности, философ был убежден, что «естественное воспитание должно делать человека годным для всех человеческих состояний». Он полагал разумным воспитывать богача для бедности. В результате, из опасения появления изнеженного вельможи, Павла растили в спартанских условиях, которые оказались созвучны идее равенства Французской революции. Граф оказался свидетелем ее начального этапа и под влиянием Ромма разделил, по крайней мере отчасти, идеи равенства и самоограничения, последовательно пройдя «курс естественной жизни», согласно «Эмилю» Руссо. Еще ранее Ромм намеренно погружал своего воспитанника в стрессовые ситуации, стремясь мотивировать его к учебе и закалить дух. В те годы, наверное, это следовало делать при отсутствии в благополучном и безмятежном дворянском быту «естественных стрессов».

Вояжи поставляли наиболее острые впечатления, были крайне полезны для развития ума, воли и силы. Такие путешествия требовали заблаговременной подготовки, как физической, так и моральной, поэтому француз начал этим заниматься вскоре после появления в России. Уже в 1780 году Ромм совершал пешие прогулки с 8-летним воспитанником в окрестностях Петербурга. Так, в мае того года во время такого странствия на Каменный остров они встретили безрукого бедняка,

ROMME participait à ces expéditions en qualité de gouverneur du Comte Paul de Strogonoff. — (Les réjérer au livre "Romme de Montagnard", par Marc de Vissac. — Editeur: Dilhan, Vives, Clermont-Ferrand, 1883).

«Эти 4 акварели входили в коллекцию Жильбера РОММА (1750–1795), депутата [от департамента] Пюи-де-Дом, председателя Национального собрания (ноябрь 1794). Он привез их из России во Францию в 1787 году. Они были нарисованы с натуры Воронихиным, который был прикреплен в качестве живописца к экспедициям, предпринятым молодым графом Павлом Строгоновым, сыном графа Александра Строгонова, камергера Екатерины II. Эти путешествия, отправлявшиеся из Петербурга, включали провинции Балтийского моря, Москву, Уральские горы, в 1783, 1784, 1785 годах и Украину, Крым и берега Черного моря, в 1786 году. Жильбер РОММ участвовал в этих экспедициях в качестве гувернера графа Павла Строгонова. (См. книгу Марка де Виссака "Ромм — монтаньяр", — Издательство Dilhan, Vives, Клермон-Ферран, 1883 г.).»

которому Павел отдал карманные деньги [16, с. 158]. Вспомнил ли он об этом случае через полтора десятилетия, когда в тех местах создавалась Строгановская дача? Именно здесь в одном из владений рода была визуализирована программа состояния богатства и бедности с намеком на «Одиссею» Гомера [7]. Но произошло это уже после завершения путешествий не только по России, но и по Европе, которые продолжались восемь лет.

Первая поездка Ромма, Строганова и Воронихина, совершенная в 1783 году к водопаду Иматра, была относительно легкой и следовала затее, модной в те годы при российском дворе после вояжа в Финляндию Екатерины II. Вероятно, тогда были сделаны два рисунка из восьми, которые поступили в Россию по итогам аукциона 2019 года. На одном из них изображен, предположительно, водопад в Иматре с ограждениями и беседками для любования стихией (ил. 2), на другом — вероятный «Вид лесопильного завода» на мысу между двумя бурными речными потоками, где рядом со строениями, увенчанными остроконечными и мансардными крышами с переломом, видны огромные штабеля заготовленной древесины. (Ил. 3.)

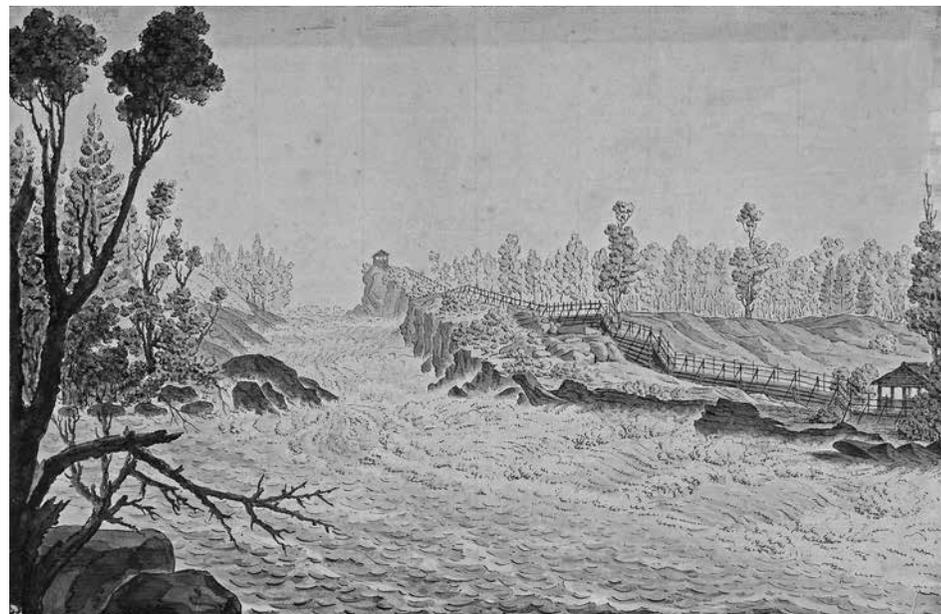
В следующем, 1784 году Ромм со Строгановым и Воронихиным совершили масштабный анабасис на Русский Север, который полностью соответствовал воспитательной установке неумоимого француза: «Путешествия хорошо приспособлено для того, чтобы... приучать к голоду, жажде, жаре и холоду» [16, с. 164]. Именно к этой одиссее на Русский Север и относятся, вероятно, шесть из восьми исследуемых рисунков, выполненных Воронихиным. Они иллюстрируют первую большую поездку юного графа, которому в тот момент исполнилось двенадцать лет. Именно с этого возраста Руссо рекомендовал начинать путешествия, которые, с другой стороны, с середины XVIII века были обыкновенным делом для богатых Строгановых. Их чередой была открыта блестящим гранд-туром А. С. Строганова, который в значительной степени известен по его письмам отцу [5]. Вместе с ним вояжировал художник М. Печенев, о творчестве которого, правда, известно по двум рисункам сангиной [6, с. 34–35]. С разницей в три десятилетия двух вельмож — отца и сына — сопровождали художники, в задачу которых, по всей видимости, входило составить изобразительную канву поездки.

Из известной к настоящему времени биографии Воронихина остается непонятным, когда именно он начал рисовать и как вообще происходило его образование. В своей статье о Воронихине Э. Роль-Танги

1. Пер Адольф Крускопф. *Речной порог Иматры*. 1844
Бумага, карандаш, гуашь. 16,5 × 21,0
Художественный музей Атенеум,
Хельсинки

интерпретирует тексты «Архива Ромма» таким образом, что именно француз открыл талант будущего зодчего [18]. По ее мнению, Ромм стал первым, кого заинтересовали графические опыты молодого выходца с Урала, который был отправлен с ними в начале в Иматру, затем на Соловки, а впоследствии на Украину, в Крым, Швейцарию и Францию. Однако для того, чтобы быть включенным в группу, Воронихин уже должен был проявить свой талант. Об этом ничего не известно, как и о том, каким образом Андрей Никифорович, покинувший отчий дом в раннем детстве и проживавший по неизвестной причине долгое время в селе Давыдково под Москвой, оказался в столице. Обычный ход мысли заставляет думать, что граф приблизил к себе художественно одаренного крепостного, но реальные обстоятельства остаются неизвестными. Среди наследия мастера превалируют в подавляющем большинстве чертежи.

2. Андрей Воронихин. *Речной поток между скалистых берегов (Иматранкоски ?)*. 1783–1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 22,7
Собрание А. Г. Егорова

Ранее наследие Воронихина-рисовальщика ограничивалось двумя изображениями на бумаге — Картинной галереи в Строгановском дворце и приема турецкого посольства в Зимнем дворце (оба — 1793). Чуть позже была исполнена картина «Вид на Строгановскую дачу в Петербурге» (1797), которая, как и серия из девяти акварельных рисунков для того же владения (хозяева называли его Мыза Мандурова), является тем, что мы теперь называем рендером, то есть проектом. В настоящий момент мы видим, как изменилась рука мастера за десятилетие: в 1790-е у него появилась легкость и свобода в чувстве пейзажа — то, что принято называть маэстрией. И до последнего времени был известен только один рисунок, сделанный им во время путешествия, — «Вид замка Глене» (1787) [13, № 56, с. 195]. Во всех этих произведениях можно отметить точную наблюдательность мастера, который не ограничивал себя фиксацией интерьеров

и пространств. Каждый раз его перспектива — это рассказ проницательного наблюдателя, наделенного чувством юмора. Вновь публикуемые работы обогащают наше представление об этой стороне творчества мастера, но предстоит тщательная, хотя и частично уже сделанная, работа по их правильной атрибуции, датировке и определению сюжетов.

Поскольку на французском аукционе акварели только приписывались А. Н. Воронихину, вскоре после их прибытия в Россию, 5 сентября 2019 года, они были представлены на экспертизу в Государственный Русский музей, который три месяца спустя, 12 декабря, выдал заключение о принадлежности работ указанному художнику. Работа велась при участии С. О. Кузнецова. Единственная имеющаяся на рисунках дата была прочитана как «1784» на основании того, что все, или подавляющее большинство, пейзажи очевидным образом относятся к поездке Воронихина с Строгановым и Роммом к Белому морю летом того года — Ромм оставил подробные дневниковые записи [10].

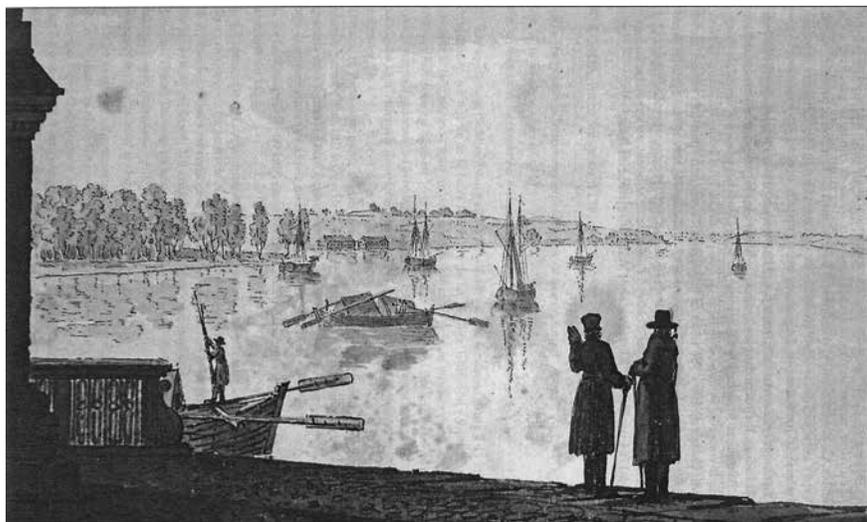
Важно иметь в виду, что в 2019 году были проданы, судя по всему, две трети собрания неизвестного французского коллекционера, который четыре рисунка (один щит) оставил себе, но позволил их опубликовать в «Архиве Ромма» [17]. Два из них представляют Крым, который с графом Строгановым и Роммом Воронихин посетил в 1786 году. Эти работы описаны Н. Храпуновым, уточнившим принадлежность видов [14]. Два других — «Преображенское около Шлиссельбурга» и «Шлюз Староладожского канала в Шлиссельбурге» (предлагаемое название), — как представляется, сюжетно связаны с теми восемью рисунками и вместе с ними должны быть введены в научный оборот в настоящей статье. Все десять изображений относятся, судя по всему, к путешествию к Белому морю в 1784 году. Очевидно, что первоначальное знание мест утрачено, а современные названия произведений, как уже отмечалось, были даны условно. Они продолжали фигурировать и далее при бытовании в России. В частности, 16 сентября 2023 года на аукционе *Bidspirit* за 2,8 миллиона рублей (без учета 20 процентов комиссионных) они перешли в другую частную коллекцию (А. Г. Егорова). Уточнение их сюжетов составляет главное содержание этой работы.

На основании ранее опубликованных записей Ж. Ромма можно реконструировать маршрут путешественников на Русский Север летом

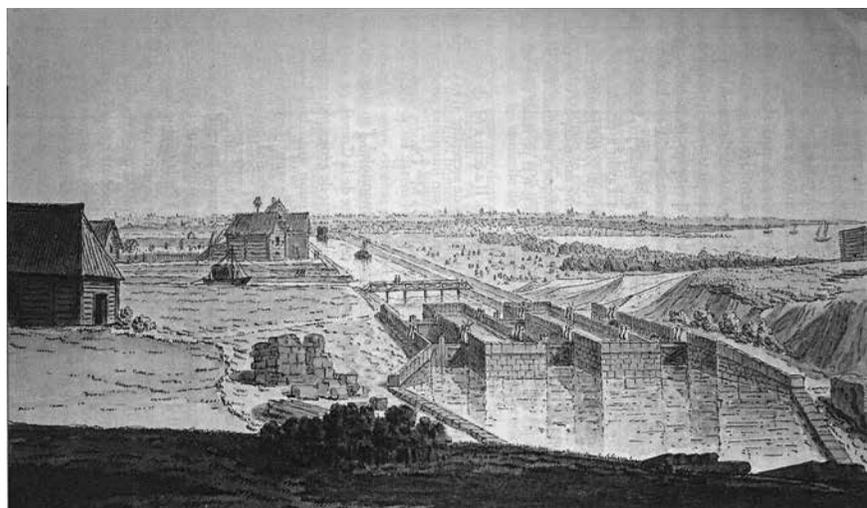

3. Андрей Воронихин. *Лесопильный завод в Финляндии (?)*. 1783 (?)
Бумага, тушь, акварель. 14 × 22,7
Собрание А. Г. Егорова

1784 года. Однако дневник начинается только 25 июня, когда Ромм с Строгановым и Воронихиным выехали из Кончезерского медеплавильного завода [10, с. 176]. Наиболее логичным будет предположение, что маршрут из Петербурга пролегал через Шлиссельбург, Новую Ладогу, Лодейное Поле, Олонец и Петрозаводск. Подтверждением пребывания в Шлиссельбурге служат два других ранее опубликованных рисунка Воронихина. Один из них представляет село Преображенское неподалеку от крепости, в четырех верстах от устья Невы, где когда-то на возвышении стоял Преображенский храм, давший название горе. (Ил. 4.) Автор показывает в контражуре две мужские фигуры, стоящие перед широкой гладью воды, — композиционный прием с «созерцателями» или «собеседниками», в дальнейшем использованный неоднократно. Перед ними простирается гладь Невы с парусными лодками, а у самого берега стоит судно.

4. Андрей Воронихин. *Преображенское около Шлиссельбурга*. 1784
Частное собрание, Франция

5. Андрей Воронихин. *Шлюз Староладожского канала*. 1784
Частное собрание, Франция

Второй рисунок изображает шлюз на канале на первом плане и крестьянскую усадьбу в отдалении. (Ил. 5.) Вероятно, здесь Воронихин запечатлел Староладожский канал, проходящий буквально в нескольких десятках метров от береговой линии Ладожского озера, акватория которого видна в правой части рисунка. Это сложное инженерное сооружение было закончено 22 октября 1730 года под руководством генерала Х. А. Миниха и 19 марта 1731 года было объявлено об окончательном открытии всего канала. Однако при строительстве не были учтены многие местные гидрологические особенности. Поэтому на следующий год, в сентябре 1732-го, было принято решение построить шлюзы на краях канала — в Шлиссельбурге и Новой Ладоге. В 1765 году в Новой Ладоге было построено новое устье канала с целью упрощения судозахода из строящегося напротив Сясьского канала. Только в 1826 году в Шлиссельбурге были сооружены новые гранитные шлюзы, хотя на рисунке Воронихина изображены сложенные в штабели квадраты заготовленного камня, которым выложены и уже существовавшие на тот момент основания шлюзов.

7 июня Павел Строганов написал отцу из Новой Ладоги, упоминая, в частности, о руинах крепости [16, с. 161]. Хотя на одном из восьми рисунков, поступивших в Россию весной 2019 года, изображены развалины некоего оборонительного сооружения (ил. 6), их нельзя признать фрагментами крепости в Старой Ладоге, находившейся в нескольких верстах выше по течению Волхова. Сам факт посещения этого исторического места нашей группой остается недоказанным. На дальнем плане изображения видна группа строений, среди которых привлекает внимание часовня с шатровым завершением. Возможно, эта деталь со временем даст отгадку.

Далее маршрут путешественников можно проследить по эпистолярному наследию Ромма и Строганова. К 24 июня относится еще одно письмо юного графа отцу из Петрозаводска [16, с. 161]. Сохранилось также послание Ромма А. С. Строганову, датированное 18 июня и обозначенное также этим городом [8, с. 161–162]. В письме француза также упоминается Олонек. По всей вероятности, подробный характер записей, которые Ромм начал с 25 июня, когда они выехали из Кончезерского завода, обусловлен началом нового этапа поездки, более интересного, рискованного, сулящего новые открытия и соответствующего воспитательным целям всей поездки. Поэтому, чувствуя себя первопроходцем, он мог взяться за перо и начал подробно излагать свои впечатления.

6. Андрей Воронихин. *Вид с руинами крепости*. 1784 (датирован)
Бумага, тушь, акварель. 14 × 22,7
Собрание А. Г. Егорова

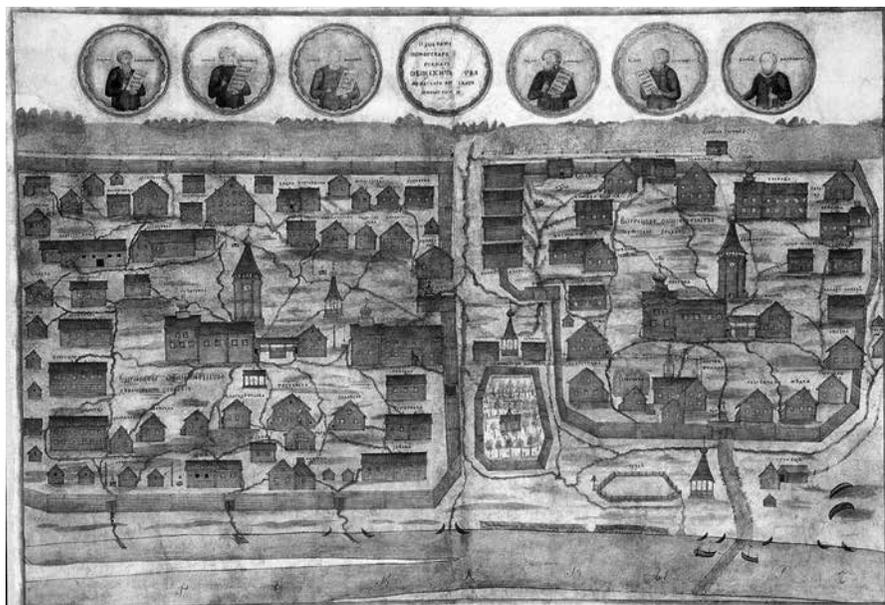
Из Кончезера маршрут пролегал через деревню Вороново, после которой группа переправилась через реку Суну и проследовала к Сопохе на южном берегу озера Сандал. 29 июня, отчалив из Сопохы на лодке, они сделали остановку на Лычном острове.

Дата, указанная в бумагах Ромма, заставляет предположить, что юный барон с Воронихиным стремились оказаться в престольный праздник в церкви Лычноостровского погоста, хотя Ромм и не отмечает присутствие группы в храме. Построенная в 1620 году и являющаяся одной из древнейших в Карелии, церковь освящена в честь Свв. Апостолов Петра и Павла, память которых отмечается именно 29 июня (по старому стилю). Для Павла Строганова, день рождения которого приходился на 7 июня было важно побывать в храме соименного святого. Надо думать, что известную роль в этом сыграл художник, который впоследствии отвечал за соблюдение графом обрядов и явно преуспел в этом.

7. Андрей Воронихин. *Водопад в Карелии*
(Водопад в Кимгубе ?). 1783–1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 22,7
Собрание А. Г. Егорова

На северном берегу озера Сандал находились Тивдийские мраморные разработки, где Ромм, Строганов и Воронихин задержались до 2 июля, делая радиальные выезды на соседние озера — Пальозеро, на противоположном берегу которого стоит деревня Святнаволок, и на Лижмозеро. Из Тивдии через Лижмозеро и рудники на его островах путешественники выдвинулись в сторону Повенецкой губы Онежского озера и, переночевав в Кяппесельге, прибыли в Пергубу. Передохнув два дня, 6 июля Ромм и его спутники временно отклонились от выбранного генерального направления и выехали в сторону Сегозера. Переправившись через губу до Лумбушской деревни, они посетили часовню раскольников и затем добрались до Вичковского Алексеевского завода. Остерозеро, узкой полоской протянувшееся прямо к Сегозеру, значительно облегчало и ускоряло продвижение. Оказавшись в Масельге на южном берегу Сегозера, путешественники пересекли его на лодке,

8. Вид Выгорецкого общежительства
Первая четверть XIX века
Бумага, чернила, темпера. 71 × 101
Государственный музей истории религии,
Санкт-Петербург

совершив переход в 40 верст. Здесь, как и в Тивдии, их интересовали разработки местных каменных пород, в связи с чем можно предположить, что маршрут был задуман Роммом не только в воспитательных целях. Для него было важно расширить свое представление о геологии Русского Севера. Этот энтузиазм, вероятно, сыграл значительную роль в последующем умении Воронихина-архитектора обращаться с камнем, видеть его и «читать». У нас нет оснований думать, что он имел подобный опыт до путешествий на Север, поскольку еще в раннем детстве он оказался под Москвой и уже оттуда попал в Санкт-Петербург. Проведя три дня на Сегозере, путешественники через Паданский погост вернулись в Пергубу. По дороге Ромм велел зарисовать водопад в Кимгубе, который, по его словам, «мы нашли очень красивым» [10, с. 185]. Это один из двух моментов, когда в дневнике упоминается о работе художника. Не исключено, что на одной из акварелей показано именно это чудо природы. (Ил. 7.)

9. Андрей Воронихин. Выгорецкое старообрядческое общежительство в Данилове. 1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 23
Собрание А. Г. Егорова

Постройки на дальнем плане, безусловно, характерны для традиционного русского деревянного зодчества: отчетливо виден дымник на курной избе (топившейся по-черному), показаны бревенчатые стены и детально выписана самцовая кровля, конструкция которой просматривается под свесами крыши. Местонахождение водопада в Кимгубе установить не удалось, поскольку этот топоним уже не встречается в Списке населенных мест Олонецкой губернии за 1873 год.

После поездки на Сегозеро путь к Белому морю был продолжен. По каким-то причинам участок пути, который они проделали между 14 и 25 июля, не отражен в публикации дневника Ромма в 2007 году. Однако еще ранее были переведены отрывки из его записей, касающиеся пребывания у раскольников в Даниловом монастыре на реке Выг, как раз между Повенцом и Сумским Посадом [9, с. 152–157]. С уверенностью можно сказать, что именно в эти дни была сделана акварель Воронихина,

изображающая центральный двор Выгорецкого старообрядческого общежития в Данилове. (Ил. 9.) Ранее она называлась «Северное селение». В 1787 году, через три года после создания этого рисунка, Выговское общежитие полностью сгорело, но вскоре было отстроено вновь, вероятно, с сохранением в общих принципах прежней планировки. Действительно, изучение некоторых известных более поздних изображений, в частности «Вида Выгорецкого общежития» (первая четверть XIX века, ГМИР; ил. 8), позволяет соотнести их с запечатленными Воронихиным строениями: на обоих видах в центре доминирует вертикаль восьмериковой колокольни, увенчанной шатром, рядом поставлена моленная с массивной трапезной [12, кат. 23, с. 27]. Особый интерес на рисунках вызывают часовни на срубном основании, внутри которых водружен поклонный крест, причем в обоих случаях шатровое завершение выделено ярким красно-коричневым оттенком. Добротные аккуратные дома, изображенные на акварели Воронихина, моленная с изящной главкой на крещатой бочке иллюстрируют описание Ромма, обратившего внимание на характерную для старообрядцев рачительность в ведении хозяйства и обустройстве быта: «Расположен монастырь на левом берегу реки Выга. Не знаю, каковы отличительные черты верований раскольников, но должен сказать, что у них больше, чем в какой бы то ни было другой среде, процветает земледелие, что лучшие дороги, точно так же как и лучшие дома вы найдете у них, а не у соседей» [9, с. 156]. Столь подробное изображение Выговской пустыни на акварели Воронихина представляет особую ценность не только как один из самых ранних и подробных примеров его архитектурной графики, но и как уникальный вид центральной части ансамбля Выговского общежития в период между пожарами 1727 и 1787 годов.

Дальнейшее продвижение Ромма, Строганова и Воронихина к Сумскому Посаду вниз по течению реки Выг, несомненно, было сопряжено с трудностями. П. И. Челищев, оказавшийся в этих местах семь лет спустя, в 1791 году, смог отправиться дальше, лишь «нанявши четыре малых карбаса (или лодки), ибо за тамошними частыми по Выг-реке от сего места порогами не только в других каких судах, но даже и в малых гораздо нагруженных карбасах проехать никак не возможно, и на каждый карбас по одному гребцу и лоцману, с платежом каждому человеку по две копейки на версту...» [15, с. 30]. 25 июля они уже были на архипелаге. «У меня имелись основательные причины не желать туда ехать, но мотивы эти были личного характера, а спутники мои очень

туда стремились, и я почел своим долгом уступить желанию большинства», — писал Ромм, утаивая свои размышления [10, с. 186]. Возможно, именно поэтому на Большом Соловецком острове путешественники пробыли совсем недолго. 26 июля они по специальному разрешению архимандрита посетили в заточении «государственных преступников». Это полностью соответствовало педагогическим установкам Ромма, который организовал своему воспитаннику экспедицию на Русский Север не только ради опыта прохождения физических испытаний, но и для познания, «какими благами и бедствиями усеяна жизнь человека» [10, с. 188]. Наиболее значимым из заключенных, находившихся в то время на Соловках, был последний кошевой атаман Запорожской сечи Петр Иванович Кальнишевский. Он пожелал видеть Попо, поскольку был знаком с А. С. Строгановым. Юный граф «рассматривал всех этих господ с большим участием, ему хотелось видеть, как они живут, а также узнать, что послужило основанием для их заключения» [10, с. 189]. С Михаила Ивановича Ратицова, бывшего придворного ювелира, находившего в заключении тридцать лет, Ромм «велел сделать портрет» [10, с. 188]. И это второй раз, когда француз указал на рисование художника. Воронихин делал портреты и ранее (Э. Роль-Танги предполагает, что уже в 1783 году он запечатлел черты Ромма [18, р. 17]), и позднее. Изображения окружения гувернера сохранились во Франции [11].

В тот же день путешественники отправились с Соловков и, посетив Заяцкий остров, архипелаг Кузова, не без приключений, обычных на Белом море, прибыли в Суму. В этом небольшом поселении А. Н. Воронихин создал рисунок, изображающий вид Сумской деревянной крепости на берегу реки — выдающегося образца северного оборонного зодчества XVII в. (ранее изображение называлось «В северном городе»). (Ил. 10.) Примечателен контраст между скупой записью в дневнике Ромма от 31 июля («...вечером ходили осматривать острог и две церкви. В них нет ничего примечательного» [10, с. 191]), и той высокой степени детализации, с которой художник выписывает башни с шатрами, главы церквей за стенами острога и панораму Сумского Посада на берегу — с лодочными сараями, обращенными фасадами к реке, по которой снуют карбасы, курными избами с самцовыми кровлями и дымниками, деревянным мостом и «магазиней» с двухэтажной открытой галереей. И если для француза в этих строениях «нет ничего примечательного», то русского архитектора панорама Сумского Посада буквально завораживает.

Поселение на реке Суме — одно из древнейших в Беломорье. Во второй половине XV века оно принадлежало посаднице Марфе Борецкой, которая в 1452 году пожаловала эти земли в пользу Соловецкой обители. После присоединения Новгорода к Москве одна из самых ранних писцовых книг, которая была составлена Ю. К. Сабуровым в 1496 году, фиксирует в бывших владениях Марфы Посадницы «у моря на Суме реке» церковь Николы Чудотворца [3, с. 14]. В 1553 году закрепление за монастырем Сумы было подтверждено царской грамотой. С 1578 года Соловецким монастырем начинается строительство Сумского острога, которое, судя по Писцовой книге Андрея Плещеева, в 1583 году было уже закончено. Тогда в крепости стояло «шесть башен рубленых, под четырьмя башнями подклеты теплые, а под пятой башнею поварня, а в остроге храм Никола чудотворец да двор монастырской... А поставил острог игумен своими одними крестьяны для осадного времени немецких людей приходу» [1, с. 197]. При строительстве острога старый Никольский храм был перенесен внутрь острога из «деревни на Суме реке», а «ныне поставлено на той деревни церковь Николы чудотворец» [1, с. 199].

К концу 1670-х годов Сумский острог пришел в ветхость, и в начале 1680-х деревянная крепость была отстроена заново. Однако после победы в Северной войне шведская угроза для Карельского берега Белого моря была устранена, поэтому прежние функции Сумского острога быстро потеряли значение для системы обороны Русского Севера. Капитан Я. Я. Мордвинов так описывал крепость, которую он посетил 27 мая 1744 года: «Сумский острог стоит над рекою Сумою, городок деревянный, старинного строения с башнями и с пушками в башнях. В нем соборная церковь Успения Пресвятыя Богородицы с приделом Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, каменная, другая церковь Николая Чудотворца, под той церковью гроб Преподобного Елисея; тут же в остроге архимандричье подворье со всеми службами, деревянные строения; в Суме по обе стороны живут крестьяне Соловецкие, а чрез реку мост на ряжах» [4, с. 15]. Как во многих других древнерусских крепостях, на протяжении XVIII века строения острога постепенно разрушались или приспособлялись под нужды мирного времени. Так, Воротная башня была перестроена в колокольню, а на территории крепости рядом с каменной Успенской церковью в 1767 году была воздвигнута новая, Никольская. Именно эти храмы и осматривали Ромм, Струганов и Воронихин 31 июля 1784 года.

10. Андрей Воронихин. Вид Сумского острога. 1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 23
Собрание А. Г. Егорова

Художник представил острог как раз вскоре после произошедших изменений в его архитектурном облике. Есть основания предполагать, что рисовальщик работал в жанре *capriccio*, видоизменяя местность и объекты ради художественной выразительности. Показывая острог и храмы внутри него с северо-запада, Воронихин изображает на первом плане русло реки, хотя при следовании топографическим реалиям вид на острог ниже по течению с противоположного берега предполагал бы северный ракурс из-за довольно плавного изгиба, который делает Сума в этом месте. Угловая башня на рисунке имеет удлиненные пропорции шатрового завершения, несвойственные русскому традиционному фортификационному строительству. Тем не менее за стенами отчетливо видно пятиглавие Никольской церкви, далее — деревянный барабан на четырехскатной кровле каменного Успенского храма, построенного в 1689–1693 годах и ставшего первой каменной церковью на Карельском берегу Белого моря. Судя по рисунку, мост через реку всегда находился на одном и том же месте — у острожных валов, о чем свидетельствуют

11. Андрей Воронихин. *Мост и водопад в Карелии (?)*. 1783–1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 23
Собрание А. Г. Егорова

сравнение рисунка Воронихина с фотографиями начала XX века, сделанными В. А. Плотниковым, и полевыми материалами экспедиции П. Д. Барановского 1931 года³.

В августе группа была в Петрозаводске. Экспедиция завершилась.

На сегодня по-прежнему существуют сложности при идентификации местности еще на двух рисунках, оказавшихся в России после аукциона 2019 года. На первом из них изображен деревянный «рустический» мост с ветхими перилами, перекинутый через скалистый поток. (Ил. 11.) Деревянная венчатая постройка на заднем плане, рубленая «в обло», свидетельствует, что акварель была выполнена в России, и вряд ли может быть отнесена к финскому вояжу 1783 года, архитектурный антураж той местности имеет иную специфику.

3 Архив ГНИМА им. А. В. Щусева. P-XIV. Оп. 21. Д. 16. Л. 2.

12. Андрей Воронихин. *Северное селение*. 1784
Бумага, тушь, акварель. 15 × 22,7
Собрание А. Г. Егорова

Еще один пейзаж представляет вид заводи с рыбаками, мостками и баней на берегу, в отдалении — часовня с шатровой звонницей и необычным для Карелии барочным купольным завершением над молельным помещением. Рядом, вероятно, в «священной роще» или на кладбище, поставлена еще одна небольшая часовенка или клетская церковь. На заднем плане виднеется крестьянская усадьба. (Ил. 12.)

Итак, в настоящее время мы имеем предварительное представление о еще десяти вояжных рисунках А. Н. Воронихина, что в значительной мере обогащает наше представление об этой стороне творчества художника. Название двух из них определенно может быть изменено. Стало очевидным развитие мастера от ранних работ 1780-х годов к таким известным шедеврам 1790-х, как «Картинная галерея в Строгановском

дворце» и «Прием турецкого посольства». По «Архиву Ромма» очевидно, что перед нами только незначительная часть большой художественной практики Воронихина, который мог сделать блестящую карьеру рисовальщика, не стань он прославленным архитектором. Воронихин стал участником общего процесса научного, экономического и художественного освоения окраин Российской империи, несомненно, обусловленного пафосом эпохи просвещенного абсолютизма Екатерины II. Несмотря на частный характер поездки Ж. Ромма, П. А. Строганова и А. Н. Воронихина 1784 года, ее можно рассматривать в контексте вояжей того времени — путешествий академика Н. Озерецковского в 1785 году и П. И. Челищева в 1791-м на Русский Север. Однако иллюстрации к книге Озерецковского, сделанные в манере рисунков к естественно-научным или географическим атласам, не идут ни в какое сравнение с акварелями Воронихина. Вышедшие из-под кисти совсем молодого мастера, они предвосхищают графические листы 1790-х годов такого зрелого мастера, как Дж. Кваренги, где такие же «созерцатели» любуются видами древней Москвы. Наконец, именно Воронихин, пожалуй, стал первым из русских художников и зодчих, которые в XIX–XX веках будут совершать паломничества на Русский Север, чтобы открывать в его пейзажах и архитектуре ту особую красоту, которая потом станет равноценной классическим идилиям. Неизвестные ранее рисунки А. Н. Воронихина проливают свет на начальный этап творческой биографии будущего великого архитектора, одновременно иллюстрируя важные этапы жизненного пути Ж. Ромма и П. А. Строганова. Обстоятельства появления этих произведений во время путешествий по северным областям Российской империи не только напрямую связаны с философской и преподавательской доктриной самого Ромма, но и позволяют более глубоко понять общий пафос эпохи Просвещения и ее рецепцию в России екатерининского времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Л., 1988.
2. А. Н. Воронихин. Чертежи и рисунки/Вступит. ст., подбор чертежей, рисунков и комментарии Г. Г. Гримма. М.; Л., 1952.
3. *Досифей, архимандрит*. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого

монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев. М., 1836. Ч. 3. Отд. I.

4. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Ч. 1. Журнал о походах на Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 годах). СПб., 1888.
5. Кузнецов С. О. Пусть Франция поучит нас «танцевать». Создание Строгоновского дворца в Петербурге и своеобразии придворной культуры России в первой половине XVIII века. СПб., 2003.
6. Кузнецов С. О. Дома и дворцы Строгановых. СПб., 2008.
7. Кузнецов С. О. Строгановский сад. О почти исчезнувшем памятнике. СПб., 2012.
8. *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817)*. Историческое исследование эпохи Императора Александра I. Т. 1–3. СПб., 1903.
9. Ромм Ж. В Выговском монастыре / Подгот. текста и примеч. М. В. Пулькина // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 152–157.
10. Ромм Ж. Путешествие к Белому морю в 1784 году // Север. 2007. № 1–2. С. 176–192.
11. Россия — Франция. Век Просвещения. Русско-французские связи в XVIII веке / Каталог выставки. Л., 1987.
12. Старообрядческая коллекция Государственного музея истории религии / [Авт.-сост. З. А. Лучшева]. СПб., 2008.
13. Строгановы. Меценаты и коллекционеры / Каталог выставки. СПб., 2003.
14. Храпунов Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // Боспорские исследования. 2020. № 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-krymskih-akvarelyah-andreya-voronihina> (дата обращения: 22.09.2023).
15. Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886.
16. Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. История необычного союза. М., 2010.
17. Gilbert Romme. Correspondance/Éd. établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2014. Vol. 2. Т. 1: 1779–1786.
18. Rol-Tanguy H. Woronichin // Gilbert Romme. Correspondance/Éd. établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2014. Vol. 2. Т. 1: 1779–1786.